

UDC 93

**Can History of Central Asia Be Objective: about the Book
“From Sintszyan to Khorasan. From the History of Central Asian Emigration
of the XX Century” by K.N. Abdullaev**

¹ Svetlana I. Koval'skaya

² Aleksandr A. Maksimovich

³ Vyacheslav I. Men'kovsky

¹ Eurasian national Gumilyov University, Kazakhstan

Dr. (History), Professor

² Belarus State University, Belarus

PhD student

³ Belarus State University, Belarus

Dr. (History), Professor

E-mail: menkovski@bsu.by

Abstract. The article analyses the work “From Sintszyan to Khorasan. From the History of Central Asian Emigration of the XX Century” by K.N. Abdullaev. Special attention is attached to geopolitical, religious and social aspects of the history of Central Asia.

Keywords: K.N. Abdullaev; Central Asia; history; Central Asian Emigration.

Введение. Общество традиционно ждет от историков «объективного» анализа прошедших событий. Но методологический инструментарий историков и их роль в процессе написания исторических работ принципиально изменились за последние десятилетия. Многие ученые стремятся подчеркнуть, что подготовленные ими работы в принципе не могут не быть субъективными и должны именно так восприниматься. Историки, безусловно, готовят свои работы на репрезентативных источниках, но сам выбор источников, формулировка рассматриваемых проблем, выводы, к которым они приходят, не могут быть абсолютно объективными в силу зависимости от столь субъективных обстоятельств как научная подготовка, культурная и социальная база самого исследователя.

Вопросы, поставленные определенными исследователями, и выводы, к которым они приходят, при использовании репрезентативного корпуса источников являются научно обоснованными, хотя могут не совпадать с вопросами и выводами других ученых. Несовпадение не означает, что одни работы являются «правильными», а другие «ошибочными». Разница в оценках связана как с принадлежностью ученых к разным поколениям, так и с личностью исследователя, спецификой его теоретической и методологической подготовки.

После 1991 г. для национальных историографий первостепенной стала задача «выстраивания новых национальных историй», смены тех парадигм, которые создавались в советские годы. Поиск национальной самоидентификации сопровождался совершенно естественной критикой предшествующей историографической модели, направленной на доказательство исторической обусловленности совместного существования в рамках единого государства. Историческая наука выполняла как функцию «политики, обращенной в прошлое», так и функцию науки, формирующей будущее.

Для профессионального сообщества историков «постсоветского пространства» два фактора представляются наиболее важными в контексте внутринаучных преобразований, кардинально изменивших ситуацию в исторической науке. Во-первых, «архивная революция», начавшаяся в годы «перестройки». Историки, проводя исследования, могли свободно сочетать возможности предоставляемые данными «устной истории», изучением советской и постсоветской политической культуры с архивными материалами. Во-вторых, смена единственной («единственно правильной») марксистско-ленинской методологии на широкий спектр методологических подходов, применяемых в мировой исторической науке.

Конечно, историк не в состоянии проверить свое знание опытным путем, поскольку объект его знания всегда находится в прошлом, и ученый имеет дело только с ее следом —

историческим фактом. Исследователь также не может избавиться от своего знания последующих исторических событий и в соответствии с этим неизбежно корректирует отношение к свидетельствам современников того или иного события. Таким образом, исторический факт выступает в трех качествах — как реальность прошлого, как реальность прошлого, отраженная в источниках, и как результат научной интерпретации реальности прошлого, отраженной в источниках. Видение прошлого в конечном итоге определяется исторической ситуацией, в которой работает историк. Особенно важно подчеркнуть, что меняется методология исторического познания, т.е. совокупность нормативных подходов, принципов, приемов, процедур, которые задаются профессиональным сообществом в определенном культурном контексте и призваны определять направление и цели творческого поиска.

«Постсоветские» исследователи оказались в чрезвычайно своеобразной ситуации. Эйфория, связанная с открытием архивов, достаточно быстро стала сочетаться с пониманием того, что историческая наука не в полной мере способна проанализировать этот архивный материал. Среди историков стали усиливаться сомнения в отношении письменного источника как ключевого в понимании исторического события, как инструмента который «покажет то, что действительно произошло», как это было сформулировано основоположниками теории историзма. Письменный источник скорее показывает позицию его автора, чем реальный ход событий, и многие исследователи стали анализировать дискурс в том понимании, которое было предложено французским философом М. Фуко, и использовать такие источники как дневники, письма, мемуары для реконструкции мышления, менталитета определенного исторического периода. Методологические изменения не могли не коснуться и историографии истории Центральной Азии.

Серьезным шагом в развитии центральноазиатских исследований стала фундаментальная монография К.Н. Абдуллаева [1]. Книга справедливо позиционируется как первое в постсоветской историографии исследование истории среднеазиатской эмиграции советского периода. Основное внимание уделено почти миллионной массе таджиков, узбеков, туркмен, киргизов, казахов, а также русских, вытесненных революцией за рубежи своей родины — в Афганистан, Западный Китай, Иран, Британскую Индию и Турцию в 1917–1934 гг. Заключительная глава затрагивает также основные моменты военной эмиграции 1941–1945 гг., период "холодной войны", войны в Афганистане 1980-х гг., и доводит исследование до начала 2000-х гг. В работе вскрыты причины, вызвавшие исход; даны основные этапы эмиграции; показано расселение эмигрантов за рубежом; представлен их количественный и национальный состав; изучена история эмиграции в стране пребывания; политические течения, а также; попытки возвращения на родину.

В предисловии автор отмечает, что изучаемая им тема долгие годы «была не столько научной, сколько политической... Советским историкам... приходилось “разоблачать”, “бороться”, “воспитывать в духе” и т. п. Что заставило автора пересмотреть свои взгляды? Если сказать кратко, то изменение политического климата в мире и доступ к новым, доселе неизвестным источникам и литературе» [С. 3]. Историческая судьба народов Средней (Центральной) Азии сложилась так, что территории, на которых они проживают, оказались в государствах с различной политической ориентацией. При этом, только в пяти государствах — Казахстане, Таджикистане, Узбекистане, Туркменистане и Киргизстане народы региона стали государствообразующими (титульными).

К.Н. Абдуллаев считает, что среднеазиатцев, проживающих за пределами соответствующих им титульных стран, можно назвать ирредентой (невоссоединенной нацией). Ирредентизм — это идеологическое и организационное выражение сочувственного интереса какой-либо государствообразующей этнической группы к представителям той же группы, проживающей за пределами государства, в котором представители данной этнической группы являются титульными. Наряду с ирредентой существуют и те, кто не по своей воле оказался оторванным от привычной среды обитания. Таких людей, по разным причинам оторванных от исторической родины и живущих за ее пределами на положении национальных меньшинств, принято называть диаспорой, а социально-политический феномен, вызвавший исход этих людей и переселение в другие страны — эмиграцией.

В историографической части исследования автор отмечает, что распад СССР и обретение независимости, дали мощный толчок к росту национальных историографий, не сдерживаемых более идеологическими рамками. Привело ли это к качественному росту национальных историографий Центральной Азии? Невозможно однозначно ответить на этот вопрос. «Большинство исторических сочинений созданных в последние годы в бывших советских республиках, пригодны лишь для ограниченного «местного употребления». Для «нетитульной» аудитории они не представляют никакого интереса» [С. 46].

К.Н. Абдуллаев затрагивает актуальный для многих постсоветских стран вопрос, связанный с тем, что «большой изъян имеющейся на сегодня литературы заключается в том, что она посвящена больше политическому, нежели социальному и культурному аспектам проблемы» [С. 55]. Исследователь видит выход из проблемы в ликвидации идеологических разногласий при рассмотрении событий, максимальном расширении источниковой базы, интеллектуальной интеграции и диалоге современных историографий. Кроме того, стоит отметить, что автор провёл серьёзную исследовательскую работу над источниками по теме монографии в архивах России, Таджикистана, Узбекистана, Великобритании.

В первой главе «Большая игра: истоки будущей трагедии» автор представляет этнические и социокультурные исторические корни противоречий в регионе, которые оказали влияние на дальнейшее его развитие. При этом он отмечает, что регион жил без этнических войн во многом благодаря скрепляющему воздействию ислама. А также раскрывает место Средней Азии в системе международных отношений: в разграничении сфер влияния между Китаем, Англией и Россией. При этом интересно мнение автора, что «компромисс Великобритании, России и Китая ... имел иллюзорный характер» [С. 100]. К.Н. Абдуллаев весьма справедливо отмечает, что колониальная зависимость региона привела к зарождению негативного отношения к «новым хозяевам» и только из-за разобщённости мусульман это негативное отношение не вылилось в джихад.

В главе «Пробуждение Азии» автор уделяет внимание восстанию 1916 г., которое он оценивает как «стихийное выступление против царизма» [С. 103], приведшее к обострению национальных отношений. Также весьма подробно освещается становление местных органов власти и взаимоотношения между «красными», «Кокандской автономией» и «белыми». Зарождение басмачества в системе таких взаимоотношений автор выводит из глубочайшего политического и экономического кризиса в стране [С. 114], а вовсе не из целенаправленных действий «автономистов». Более того, басмачество зачастую было враждебно автономистам, в частности, об этом говорит эпизод с побегом Мустафы Чокая после разгрома «Кокандской автономии».

В описании предреволюционной ситуации в Бухаре К.Н. Абдуллаев проводит анализ политической обстановки и приходит к выводу, что политические расхождения между эмиром и умеренными сторонниками реформ по турецкому образцу – джадидами приводят к втягиванию в этот конфликт басмачей на стороне эмира и большевиков на стороне джадидов. Всё это автор весьма органично связывает с продолжением международной борьбы за контроль над Средней Азией, в которую весьма неожиданно вмешивается и Афганистан. При этом используется ряд зарубежных архивных источников, серьёзно расширяя фактологическое поле для анализа. Рассмотрение отношения Афганистана к событиям в революционной части Средней Азии вообще является одной из первых попыток анализа роли этой страны в истории региона в указанный период.

В главе «Война» исследователь подробно рассматривает боевые действия, связанные с установлением советской власти в Центральной Азии и борьбой с басмачеством, раскрывая причины появления эмиграционных потоков, направлявшихся в Афганистан, Китай. Так, падение эмира Бухары и его отъезд в Афганистан привели, по мнению автора, к росту числа тех, кто покинул Бухару по религиозным мотивам или перешёл на путь вооружённой борьбы с большевиками: «Бухара из мусульманской страны (дар ул-ислам) превратилась в немусульманскую территорию ... в такой ситуации бухарцам предписывалось объявить повсеместную войну против агрессоров (то есть джихад) с тем, чтобы восстановить дар ул-ислам и/или совершить хиджру, то есть всем покинуть родину» [С. 178]. С точки зрения сегодняшнего дня подобные аргументы, казалось бы, выглядят весьма сомнительно. Однако, учитывая специфику менталитета народов Средней Азии и их глубокую религиозность, данную причину эмиграции и пополнения басмаческих отрядов вполне можно указывать в

одном ряду с экономическими проблемами, политическим безвластием и ведением военных действий в регионе. При рассмотрении боевых действий автор опирается на обширный архивный материал, указывающий на интенсивность сопротивления в различные хронологические периоды в различных географических регионах Центральной Азии.

Наряду с рассмотрением стратегии и тактики боевых действий в противостоянии Красной Армии и её местных союзников с басмачами, а также характеристикой отдельных лидеров повстанческого движения (Ибрагимбек, Джунаид-хан) указывает автор и причины поражения антисоветских выступлений. На взгляд К.Н. Абдуллаева, «Завоевание ... было определено, с одной стороны силой Красной Армии, с другой – военной слабостью и политической разобщенностью коренного населения» [С. 181]. При этом обращается внимание на то, что экономическая политика большевиков, в частности насильственные заготовки зерна и мяса, не только привели к росту недовольства новой властью и вооружённым выступлениям, но и к экономической переориентации на производство зерна вместо традиционного хлопка. Ошибки в экономической политике, агрессивность, излишняя жестокость войск Красной Армии привели к росту сопротивления и приобретению отрядами басмачей «ореола защитников веры» [С. 186]. Изъятые у жителей Бухары ресурсы помогли большевикам остаться у власти, а «анализ бухарского восстания 1921 г. показывает, что оно, в известной мере было одним из крестьянских восстаний потрясавших в то время Советскую Россию» [С. 190].

Серьёзное внимание уделил Н.К. Абдуллаев и такой исторической личности как Энвер Паша – турецкий генерал, оказавшийся в 1921–1922 гг. самом эпицентре басмачества. Автор чётко и связно прослеживает и аргументирует с помощью различных источников, в том числе и личной переписки Энвера Паши, изменение политической линии турецкого генерала от сотрудничества с большевиками к противостоянию с ними для продвижения идей панисламизма и пантюркизма в регионе. На взгляд автора, Энвер Паша – неудачный политик, герой-авантюрист и преступник, пытавшийся «реализовать планы создания панисламистского государства или конфедерации государств. Во главе такой конфедерации он видел, конечно, свою Турцию, ярым патриотом которой он оставался до последнего своего вздоха» [С. 210] и применявший для этого все возможные методы. Однако сам Энвер Паша со всеми его амбициями, с точки зрения Н.К. Абдуллаева, плохо ориентировался в реальной обстановке в регионе и оказался втянут в межплеменную рознь, царившую в регионе, хотя и добился определённых успехов по объединению басмачей. Это заставило советскую власть обратить на регион более пристальное внимание, и Энвер Паша был убит.

Интересен и взгляд исследователя на вопрос о финансировании кампании Энвера Паши. Так, автор выражает согласие с мнением английских агентов в Индии, высказывавшихся о возможном тайном союзе Энвера Паши с Мустафой Кемалем [С. 226]. Однако вряд ли это можно считать серьёзным доказательством подобных связей, особенно учитывая личные надежды Энвера Паши на триумфальное возвращение в Турцию, о чём Н.К. Абдуллаев не раз упоминает в монографии. Итогом деятельности Энвера Паши стало «не только крушение джадидизма и поражение младотурецкого движения, но и дискредитация эмирского басмачества» [С. 231]. Вполне объяснима и оценка Энвера Паши как героя среднеазиатской эмиграции, стремившейся в его личности увидеть символ борьбы и непокорённости.

Серьёзный интерес представляет анализ автором процесса национального размежевания в Центральной Азии в 1924–1936 гг. Н.К. Абдуллаев оценивает этот процесс как весьма спорный. С одной стороны размежевание привело в дальнейшем к национальным спорам; с другой – оно дало советской власти возможности перевести сторонников модернизации и национального строительства на свою сторону, а Британии и Китаю, на взгляд исследователя, указало на несправедливость их империй и угнетение там мусульман [С. 256].

Почти через всю книгу рефреном проходит аргументированная мысль автора, выраженная во фразе, посвящённой политике большевиков в регионе: «Трудно – почти невозможно – отделить плохое от хорошего в действиях новой власти» [С. 259]. Это касается почти всех мероприятий, которые рассматриваются автором: начиная от борьбы с басмачеством, заканчивая ликвидацией безграмотности.

В главе «Белые армии в восставшем Синьцзяне» представлены малоизвестные страницы истории российской эмиграции в Западном Китае (Синьцзяне). Интерес

представляет рассмотрение судьбы вооружённых формирований трех лидеров белого движения в Средней Азии – генералов А.И. Дутова, А.С. Бакича и Б.В. Анненкова. Судьба русских эмигрантов, оказавшихся в Синьцзяне, раскрывается через контекст взаимоотношений Китая и СССР. Хотя раздел носит скорее информационный характер, это представляется приемлемым, поскольку факты достаточно ограничены и новы для анализа и требуют проведения отдельного исследования.

Серьёзное значение в монографии придано рассмотрению массового исхода жителей Средней Азии в Афганистан. В главе «Жизнь и борьба муджахидов и мухаджиров в Афганистане» – Н.К. Абдуллаев рассматривает отношение властей Афганистана к эмигрантам, их расселение и состав, политические движения в среде эмигрантов. Автор отмечает, что национальное размежевание в СССР «вызвало рост национальных настроений во всём регионе» [С. 339], что привело к пограничным конфликтам и вылилось в частичную реэмиграцию населения. Исследователь справедливо указывает, что постепенно бывшие басмачи решили озаботиться обустройством жизни в новой стране, а не попытками возвращения, и освещает религиозный, национальный и политический аспекты проблем эмигрантов, чётко сводя данные в систематизированные таблицы. На основании этих данных делается вывод о том, что, несмотря на различные причины и состав, «среднеазиатская эмиграция – это протест той насильственной ломки традиционных, в том числе религиозных, представлений, жизненного уклада, которые несла с собой новая власть» [С. 366].

Изучение Центральной Азии сегодня приобретают особую актуальность из-за геостратегической важности этого региона. Пантюркизм вызывает негативную реакцию и неприятие не только крупнейших мировых геополитических сил – США, Европейского Союза, России, Китая, но и нетюркского населения Центральной Азии. По мнению Н.К. Абдуллаева, идея «пантуранизма и пантюркизма» осталась в истории, так как не была подкреплена ни экономической, ни культурной базой [С. 507–508]. Автор отмечает, что ориентация жителей региона на туркестанскую идентичность уступает все возрастающему чувству национальной принадлежности.

Примечания:

1. Абдуллаев К.Н. От Синьцзяна до Хорасана. Из истории среднеазиатской эмиграции XX века. Душанбе: "Ирфон", 2009.

УДК 93

Возможна ли «объективная история» Центральной Азии: О книге К.Н. Абдуллаева «От Синьцзяна до Хорасана. Из истории среднеазиатской эмиграции XX века»

¹ Светлана Ивановна Ковальская

² Александр Александрович Максимович

³ Вячеслав Иванович Меньковский

¹ Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Казахстан

Доктор исторических наук, профессор

² Белорусский государственный университет, Беларусь

Аспирант

³ Белорусский государственный университет, Беларусь

Доктор исторических наук, профессор

E-mail: menkovski@bsu.by

Аннотация. В статье анализируется работа К.Н. Абдуллаева «От Синьцзяна до Хорасана. Из истории среднеазиатской эмиграции XX века». Уделено внимание геополитическим, религиозным и социальным аспектам истории Центральной Азии.

Ключевые слова: К.Н. Абдуллаев; Центральная Азия; История; Среднеазиатская эмиграция.